

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

РАДОСТИ
ЖИЗНИ

Галина Николаевна Щербакова

Радости жизни

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130784
Трое в доме, не считая собаки: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35734-5

Галина Щербакова

Радости жизни

...Ночью ко мне приходят ненаписанные рассказы, и я говорю им: кыш! Что толку приходить? Не написала – и уже не напишу: их больше, чем меня. Этот дисбаланс занимает мысли в моменты тупой кухонной деятельности или у стекла троллейбуса, что в самом конце, где жизнь видится как бы назад-вперед и очень соответствует жалостливому состоянию души. Скорей всего я вычеркну слово «жалостливому». А может, оставлю для будущей реакции в ближнем зарубежье моей родины, где дошкольная подруга, разгребая навоз на огороде, скажет своей внучке: «Помнишь тетю, у которой мы были в Москве? Она до сих пор из себя корчит». Подумав, она вполне может сказать: «Крест, святая икона! Чего ей в жизни надо? Какой жалости? Мужчины всегда были при ней. Не скажу какие, не скажу, но зарплату носили. Она что – с огорода кормилась? Все обещает написать про наше с ней детство. Вот посмеюсь так посмеюсь». Тут она задумается, моя подруга. Ее голубые чуть навывкате глаза остановятся, и сама она застынет с вилами, пока внучка не закричит: «Ба-ся! Ты что?» Подруга тихонечко всхлипнет, но мысль, которую держала в замирании, скажет громко, чтоб и в соседнем огороде, и что по-за ним слышали. Важная мысль. «Если она про меня что-то напишет, я ее сама – этими вилами». Тут у

нее так кучеряво взрыхлится навоз, что придется вытирать подбородок подолом, и на этом простом деле она уйдет от меня надолго, до зимы, когда закрутит наконец все банки, почувствует пустоту, захочет позвонить, но вспомнит, сколько теперь это стоит, разозлится на меня же, потому что, когда все это началось, я ее уверяла – как это хорошо и правильно, и не пристало ей больше всего гордиться своей однокурсницей, которая всю жизнь работает экскурсоводом в Музее Ленина, кандидат наук и прочая. «Собой гордись, – говорила я ей. – Собой». Но все, как выяснилось, набрехала.

При эпохе ленинского экскурсовода моей подруге было лучше.

Впрочем, это получается рассказ про подругу, а я о ней уже писала – хватит с нее – и даже вил в бок избежала. Когда она прочла рассказ, она себя не узнала. «Это надо же! – сказала. – Быть такой верной одному. Малахольная какая-то! Верить! В этой жизни! Честно скажи: это у тебя такое было?» – «У меня», – ответила я, хотя до этого вся дрожала, не обидится ли она, что я рассказала ее историю. «Ты сроду простодырая, – покачала она головой. – Прости, Господи, но ты хоть и умной числишься, а дурости у тебя процент выше. Я тебя сразу узнала, с первой строчки».

С тех пор я не боюсь писать о самых близких мне людях – никто себя не узнает. Понятие о себе – вещь таинственная и непознаваемая. Я точно знаю, мы – земля незнакомцев. Мы притворяемся, что знаем друг друга.

И мир непознаваем. Мне все больше это нравится. Раньше мечтала «дойти до сути», теперь – не хочу. Опять же как сказала бы подруга: «Тебе бы все блукать в потемках».

Блукать – бродяжить. Замечательное умственное дело. Лучше – нет. Никто никого не знает, никто ничего не знает. Истина не там, где мы.

К чему это я все? К тому, что приходят рассказы, и я говорю им: кыш! А потом еще придумываю и несуществующую реакцию на ненаписанное! Двойное сальто-мортале в голове – истинно русская деятельность. Нынешнее поколение с треском выбирается из нашей сокрушительной созерцательности через влагалище, пахнущее бергамотом. Правильно делают, между прочим. Если уж родиться, так чтоб уж хорошо вокруг пахло. Я им завидую, ибо сама так не умею.

Многого не умею. Какого же черта прутся они ко мне, ненаписанные? Эдакие славненькие эмбриончики, которых только выпусти... Но мне слабо превратить их даже в клопов, тараканов, медуз, всякую тварь и хоть таким образом, но дать им жить. Жить! Чтоб они проверещали про свое пусть даже через поганенькое, но тело, если приличное, с человеческими ушами, в кроссовках там или суконной юбке, я не удосужусь дать?

...Были перепутаны вместилища. Не туда сыпанули. Расперли меня изнутри товаром, а ножки, носящие груз, дали тоненькие, слабенькие. Дыхалка ни к черту, коленочки хрустят, просто никуда не годятся и норовят выскочить круглой

своей головочкой из розового гнезда, чтоб мне уж совсем и окончательно сломаться.

«Про что это она? – недоумевают подруга. – Про радикулит? Артрит? С какой такой тяжелой работы? Ведрами воду носит? Или туда-сюда в сырой погреб? Это ж какие у нее могут быть трудности тела?»

Никаких, дорогая, никаких! Нет у меня ни огорода, ни погреба, и ведер у меня нет. Настоящих. Так, одно название.

У меня другое. Они приходят, и я не могу. Это не болезнь, подруга, это хуже. Скажу тихо: это что-то сексуальное. Знаешь, что я делаю, когда они приходят? Я называю адреса, куда им податься. Как нормальная порядочная шлюха. Я посылаю к тем, у кого момент острого плодоношения. Когда не успеваешь отряхивать тяжелые ветки. Или отряхиваться самому. Вещи, конечно, разные. Так и хочется на этом затормозить и позлословить. Но меня начинает мутить оттого, что во мне прорезается это. В корыте, что есть вселенский охул, поклеп и зависть, уже столько помылось! А я знаю, что это такое – общая помывка... Серая пена на ободьях, вода, уже остуженная более высокими по рангу телами, моя слабая гордость, что я в этой очереди за чистотой не последняя. За мной сестра и брат. Потом этой водой вымоется пол... Грязную воду разбрызгают по двору на «заразу пыль». «Экономика должна быть экономной». Нет воды в наших краях, нет. Но живем. Живем, как если бы вода была...

Я давно это заметила. Это наше свойство – жить при от-

сутствии как при наличии. Эдакая легкая неприхотливость бытия. В окно вместо стекла вставить фанерку. И убеждать, что так даже лучше. «Знаешь, через стекло солнце очень жарит». А окно, между прочим, выходит на север, и солнце туда не попадает никогда. Недавно, уже в наше время, моя гостья из провинции, разувшись, пошла по квартире в полиэтиленовых пакетах. «Замечательно, – сказала она. – У вас дождь, а у меня ревматизм. Пакеты мне дают гарантию сухих ног».

Диву даешься, какие у нас гарантии. У нас в природе заложено: из ничего – все, никто – всем. Самоигральность пустоты. Кто бы мне еще объяснил, почему это именно у нас, владеющих такими пространствами и богатствами?

Так вот, возвращаясь к мысли про сегодняшних пишущих и про себя как бы вчерашнюю... Я их, дурачков малолетних, люблю, но странную любовью. Не победит ее рассудок мой. Вот они. Обклевали всю мою вишню. Горланят. Косточки где, косточки от вишенок? В них. В их пузе. А мои завсегда горсточкой на столе. Обсосанные, беленькие. Я с ними еще поиграю. Я сложу из косточек морду с лопухими ушами, потом выключу морде глаза, чтоб не пялилась, дура. Я играю, а они переваривают жизнь. Вот в чем дело.

Мы такие разные, что наша любовь невозможна, так сказать, по определению, данному одним пуристом во время оно в статье против мухи-цокотухи. Брак между мухой и комаром, вещал пурист, невозможен изначально. Не получится у них, говоря по-простому. Бедные влюбленные, пройдя

такие страдания, упрутся в материальную часть. Нынешние поняли эту проблему совсем не так, как я. Когда я в их возрасте читала пуриста, я еще задавала себе вопрос: а нет ли малепусенького смысла в такой здравости воспитания, если – извиняюсь за повторение – результата не получится? У нынешних даже мимолетного признака цепляться за физику любви нет. Они ее окоротят, если что. Или увеличат в длине и весе. Потому что любовь. А аксессуары ее, в конце концов, есть вещь придаточная. Это мы до сих пор живем в поясе невинности вместе с противоголом и только в таком виде позволяем подойти к перу там или карандашу... Бесплезно зывать к жизни сдавленную плоть, даже если ее распеленали. Она все равно тяготеет к поясу, она, можно даже сказать, его алчет и жаждет. У распеленатого тела могут оказаться и странные свойства. Оно может разрастись, как тесто в квашне, и очень опасно оказаться рядом – собьет и уничтожит освобожденным сырым мясом. В общем, пока я разбираюсь с самой собой, ну до ненаписанных ли рассказов мне? И я, повторяю, говорю им: кыш!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.